

нальном окружении очень длительное время⁴⁸. Именно такую ситуацию мы видим в Кении. Это связано с тем, что миссионеры разных христианских конфессий часто работали здесь по соседству, в пределах одной этнической территории. И наоборот, проповедники одной церковной организации, начав свою прозелитическую деятельность среди какого-либо этноса, затем расширяли сферу своего влияния, включая в нее и другие народы. Так, католические миссионеры, обратив в свою веру часть таита, затем занялись христианизацией кикуйю, камба, меру, эмбу, луо, лухья, кииси и т. д.⁴⁹ Вышли за пределы одного этноса и некоторые христианско-африканские церкви. Например, Церковь Христа в Африке, возникнув у луо, со временем приобрела определенное влияние и среди других народов Кении.

Несмотря на то что разобщение по религиозному признаку в Кении довольно заметно, оно, естественно, не исключает разных форм связей между представителями различных конфессий. Нередки случаи заключения межконфессиональных браков (хотя, конечно, чаще всего брачные союзы создаются в рамках одной конфессии). Но при вступлении в такой брак один из супругов (обычно жена) иногда меняет прежнюю конфессию на вероисповедание другого. Христианки, например, выйдя замуж за мусульманина, как правило, переходят в ислам. То же самое прежде делали придерживавшиеся традиционных верований женщины-банту, выходя замуж за арабов.

Изредка в стране наблюдаются случаи перехода из одной конфессии в другую и по иным причинам. Отмечены, например, случаи перехода камба и меру из христианства в мусульманство и наоборот⁵⁰. В Ньянзе 200 лухья были обращены арабами в ислам, а несколько сот мусульман приняли христианство⁵¹.

Из всего сказанного видно, что конфессиональная ситуация в Кении сложна и динамична. Большинство этносов этой страны поликонфессиональны, а многие более или менее значительные религиозные общности состоят из представителей различных народов, т. е. полиэтничны. Можно констатировать, что между этносами и конфессиональными общностями Кении достаточно тесной сопряженности нет.

⁴⁸ Пучков П. И. Указ. раб. С. 56.

⁴⁹ Harris G. G. Casting out Anger: Religion among the Taita of Kenya. Cambridge, 1978. P. 4.

⁵⁰ Holway J. D. Islam and Christianity in East Africa//African Initiatives in Religion. Nairobi, 1971. P. 272.

⁵¹ World Christian Encyclopedia. P. 433.

Д ж. М у р

ИНДЕЙЦЫ-ЧЕЙЕНЫ В АМЕРИКАНСКОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НАЕМНОГО ТРУДА

Читая стандартные этнографические описания чейенов, можно подумать, что участие индейцев в развитии экономики США чрезвычайно мало. Да и сами индейцы на страницах таких изданий напоминают печального героя известной скульптуры Джеймса Э. Фрейзера «Конец тропы», находящейся в Зале ковбойской славы в Оклахоме. Она изображает сурового воина-индейца, сидящего с поникшей головой на лошади. Лишенный возможности кочевать по прериям, он словно предчувствует то время, когда ему придется сидеть у дверей Бюро по делам индейцев в ожидании государственных выплат. Та же тема апатии и деморализации звучит и в первых отчетах агентов по делам индейцев, где их назы-

вают не иначе, как «одеяльщиками» и лодырями, отлынивающими от работы и неспособными к оседлой жизни.

Примерно такими видят американцы своих соотечественников-индейцев, стереотипные образы которых долгое время господствовали в официальной идеологии. Цель настоящей статьи — проверить представление о трудовом вкладе индейцев в развитие экономики США на примере одного племени — чейенов — в дорезервационный период и после их сселения в резервации. Рассмотрим три сферы их деятельности: 1) торговлю бизоньими кожами (1815—1864 гг.); 2) сезонную работу по найму (с 1890 г. по настоящее время) и 3) ремесла, в частности изготовление мокасин.

Работа написана с учетом такого экономического понятия, как стоимость, а также материалов этнографических исследований трудовой деятельности чейенов. Данную статью можно поставить в ряд работ, начатых, например, монографией Л. Д. Уайса о развитии капитализма у навахо¹, которые отражают новую тенденцию в изучении коренных народов Америки.

Теоретические предпосылки

Хотя марксизм на первое место ставит трудовую теорию стоимости, американские марксисты чаще оперируют денежным выражением стоимости, не прибегая к подсчету затраченного на ее производство времени. Это происходит прежде всего потому, что порождаемые капитализмом «данные» выражаются главным образом в долларах, франках, марках и т. д., а не в «застывшем труде». Экономистам-марксистам пришлось бы очень нелегко, если бы они постоянно переводили доллары в часы. Однако Маркс выразился очень ясно, говоря: «Потребительская стоимость, или благо, имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой „созидающей стоимости субстанции“. Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.»².

У этнографов же возможности применять экономический расчет в своих исследованиях ограничены. Когда торговый обмен происходит без соблюдения формальностей, между родственниками или с расчетом на ответную услугу впоследствии, как обычно бывает у индейцев даже сейчас, его трудно представить в денежном выражении. Кроме того, этнографы в полевой работе тоже редко обращаются к подобным данным.

Необходимо остановиться здесь и на том, что однажды созданная стоимость не исчезает бесследно. Об этом часто пишут как о моральной стороне проблемы в связи с тем вкладом, который внесли негры-рабы в экономическое развитие Соединенных Штатов. Утверждают, что труд рабов, превратившись в потребительскую стоимость, продолжает существовать в национальной экономике, умножаясь в труде последующих поколений и делая богаче их жизнь. Таким образом, рабы — предки черных американцев — могут рассматриваться как создатели значительной доли нынешнего богатства Соединенных Штатов, хотя они и не получали соответствующей платы за свой труд, а их потомки не пользуются полагающейся им по праву долей этого богатства.

То же самое, по моему убеждению, можно сказать и об американских индейцах.

Торговля бизоньими кожами

Заключенные с индейцами договоры продолжают вносить путаницу в американскую правовую систему, порождая множество неразрешимых проблем и противоречий. Едва ли не самыми спорными были договоры

¹ Weiss L. D. The Development of Capitalism in the Navajo Nation. Minneapolis: Marxist Educational Press, 1984.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 47.

о пушной торговле, где формально признавались индейские племена, которым выделялись в пользование определенные территории в пределах границ Соединенных Штатов. Эти договоры до сих пор стоят на пути интересов монополий, особенно электрических и горно-добывающих компаний.

На Великие Равнины, которые в XIX в. поставляли бизоньи кожи, правительством были тогда же посланы две специальные экспедиции для сбора информации и составления договоров с целью расширения пушной торговли. Это экспедиции Льюиса и Кларка 1803—1806 гг. и Аткинсона 1825 г.³

Трудно точно определить масштабы торговли бизоньими кожами. В целом можно сказать, что она стала развиваться в начале XIX в. Торговля бобровыми шкурами, начавшаяся ранее и географически шире распространенная, приносила гораздо больший доход по сравнению с торговлей оленьими или бизоньими кожами⁴.

Одна из методологических трудностей при оценке торговли кожами заключается в том, что не все источники делают различие между *hides* — шкурами, высушенными, но не обработанными, и *robes* — кожами, выделанными и выкрашенными индейскими женщинами. Неясно также, относятся ли цифры, зафиксированные в источниках, к продукции, получаемой с Великих Равнин или же в Новом Орлеане просто перепродавали товар, привозимый по Миссисипи из Сент-Луиса. Чтобы не считать дважды один и тот же товар, я учел только кожи, перевозившиеся по Миссури Американской пушной компанией и отдельными торговцами.

Торговля бизоньими кожами, начавшись с нескольких сотен штук в 1790—1800 гг., достигла пика в 1848 г. (110 тыс. штук). По мере сокращения бизоньих стад, а также в результате переселения индейцев в резервации в 1864—1878 гг., число вырабатываемых ежегодно кож стало падать, и около 1884 г. этот промысел совсем исчез. Таким образом, индейцы продолжали изготавливать свои знаменитые бизоньи кожи еще несколько лет после создания резерваций.

За весь период торговли, по моим подсчетам, племенами долины Миссури было произведено около 5,5 млн. кож⁵. Если учесть, что выделкой кож занималось примерно 10—30 тыс. индейцев (приблизительное число взрослых женщин этих племен), то получится, что каждая из них выделяла 5—10 кож в год.

Одна кожа стоила в городах восточных штатов 6—25 долл., в среднем 9 долл.⁶. Если приведенные цифры верны, то общая стоимость торговли бизоньими кожами на территории долины Миссури в XIX в. составила примерно 50 млн. долл.

Чейены принадлежали к самым активным производителям бизоньих кож на Великих Равнинах. В отличие от земель, принадлежавших более северным племенам, территория чейенов в начале XVIII в. изобиловала бизонами, особенно междуречье Северного и Южного Платта. Когда бизонов здесь стало меньше, чейены перешли сначала в восточную часть штата Колорадо, а затем в 1850-х годах — на р. Верхний Репабликан и Смоки Хилл, где последнее стадо бизонов было истреблено 20 лет спустя.

К счастью, сохранилось подробнейшее этнографическое описание выделки бизоньих кож, сделанное Джеймсом Муни⁷. К его данным я добавлю собственные подсчеты трудовых затрат на дрессировку лошадей, изготовление снаряжения и охоту на бизонов. Эта информация была получена мною от трех чейенов — последних дрессировщиков, членов «конной ложи», с которыми мне посчастливилось беседовать. Разумеет-

³ Nichols R. L. General Henry Atkinson. Univ. of Okla. Pr., 1965.

⁴ Phillips P. C. The Fur Trade. V. 2. Univ. of Okla. Pr., 1961; Chittenden H. M. The American Fur Trade of the Far West. V. 3. N. Y.: Harper, 1902.

⁵ Roe F. G. The North American Buffalo. Univ. of Toronto Pr., 1951. P. 448—503; Chittenden H. M. Op. cit. P. 807.

⁶ Hornaday W. T. The Extinction of the American Bison//Annual Report of the National Museum, 1889. P. 437; Hurd C. W. Bent's Stockade, Privately Published. P. 55.

⁷ Mooney J. Manuscript 2213//National Anthropological Archives. Washington, 1903.

ся, результаты основаны лишь на моих собственных расчетах, приводимых ниже.

В основу подсчета затрат труда я положил продолжительность полезной жизни лошади и снаряжения. Лошадь можно начинать дрессировать в возрасте 18 месяцев. После дрессировки лошадь использовали на охоте 4 года, в течение которых добывали примерно 200 бизонов. Будем считать, что седло и сбруя тоже служили 4 года и что за это время использовали 3 лука и 80 стрел. Затраты времени на все это, согласно сообщениям информаторов, следующие:

Приручение лошади	—600 час.
Ее дрессировка	—200 »
Изготовление седла	—80 »
Изготовление сбруи	—30 »
Изготовление 3 луков	—120 »
Изготовление 80 стрел	—320 »
Охота на бизонов	—800 »
Всего	2140 час. или 10,7 час. на одного бизона

Еще больше времени уходило у женщин на выделку бизоньей кожи. Процесс включал несколько процедур с последующей длительной операцией очищения от шерсти и разминания, благодаря чему кожа становилась мягкой и гибкой. Надо отметить, что Муни наблюдал выделку коровьих кож, которые меньше бизоньих по размеру почти на треть. Поэтому, если, по Муни, на каждую коровью шкуру шло 55,7 чел.-час. (женского труда), то для каждой бизоньей кожи мы примем цифру 70 чел.-час. Прибавив их к 10,7 час. труда, затраченного мужчинами, мы получаем 80 с лишним часов труда для изготовления одной пригодной для продажи кожи бизона. Другими словами, каждая бизонья кожа, предназначенная для продажи, воплощала 80 час. необходимого труда семьи чейенов. Что же получали они за свой труд?

Хотя кожи продавались — в зависимости от качества и украшений — от 6 до 25 долл. за штуку, индейцы не получали за них и части этой суммы. Им платили не деньгами, а товарами. Обычно за одну кожу индеец получал товаров на 1,5—2,5 долл. Кроме того, посредники всегда поднимали цену товаров в 4—5 раз по сравнению с тем, что платили за них сами⁸.

Таким образом, хотя индеец и получал в среднем 2 долл. в товарах, торговцу они стоили около 50 центов. Даже прибавив сюда расходы на транспорт и повысив эту стоимость до 80 центов, мы все же видим, что заработная плата индейских ремесленников составляла всего около одного цента в час.

Для наглядности сравним ее с заработной платой рабочего в эти годы в восточных штатах. В самой близкой области — кожевенном производстве — она составляла 9,5 долл. в неделю, т. е. при 60-часовой рабочей неделе — 16 центов в час. Разделив заработок белого американца на заработок индейца, мы получим 1600% — показатель степени эксплуатации последнего по сравнению с белым рабочим. Этот процент снизится до 1000%, если разделить цену бизоньей кожи на цену обмененных на нее товаров. Неудивительно, что при таком уровне эксплуатации владельцы пушных компаний входили в число первых миллионеров Америки.

Сезонная работа в Оклахоме

Во время Гражданской войны начался расцвет железнодорожных и промышленных концернов, таких, как Дюпон, Проктор и Гембл, разбогатевших на поставках военной продукции. После войны под строительство железных дорог и шахт широко раздавались земли и деньги.

⁸ *Sunder J. E. The Fur Trade on the Upper Missouri, 1840—1865. Univ. of Okla. Pr., 1965. P. 36.*

Торговля с индейцами не могла выдержать конкуренции с новыми тенденциями. «Гарантированные» индейцам территории в 1864—1877 гг. начали прибирать к рукам владельцы монополий и использовать их в соответствии со своими интересами.

Необходимость оправдать нарушения договоров с индейцами породила самые невероятные юридические аргументы и самую извращенную логику в истории юриспруденции Соединенных Штатов. Такое положение создалось в начале резервационного периода, когда был принят закон Дауэса, согласно которому индейцам предоставлялись небольшие наделы земли в индивидуальное пользование вместо сохранения крупных общинных угодий с особым статусом. Это давало возможность белым фермерам и горнодобытчикам покупать или арендовать земли у отдельных индейцев.

Неуклонное сокращение земель чейенов в Оклахоме убедительно документировано в работах Д. Бертронга и Р. Неспора⁹. Чейены, получив к 1892 г. полмиллиона акров земли в виде индивидуальных наделов, к 1910 г. не владели и 20% этой земли. Чейены Оклахомы успешно занимались земледелием и до и после 1892 г., хотя предпочитали обрабатывать землю коллективами расширенных семей, а не нуклеарными семьями. Однако в дела чейенов постоянно вмешивалось Бюро по делам индейцев: они не получали вовремя зерно и инвентарь, страдали от махинаций местных банкиров и бизнесменов. В результате к началу первой мировой войны значительная часть чейенов представляла собой сельский пролетариат. Они были заняты на работах не круглый год и жили на небольшие суммы, вырученные от аренды земли, и на постоянно сокращавшиеся государственные субсидии.

Для чейенов потеря земли означала необходимость наниматься на работу. По иронии судьбы, некоторые чейены в конце концов нанимались работать на земли, которые номинально принадлежали им, но через Бюро по делам индейцев были сданы в аренду белым фермерам. Отсюда возник миф о «ленивом индейце». Фермеры возмущались не только тем, что индейцы нерадивы и не желают работать на своих собственных землях. Их особое негодование вызывало то, что индейцы отказывались работать на белых — на их ли собственных землях или на арендованных у чейенов. Когда же у белых не было работы для индейца, их явно не волновало, «ленив» он или нет. Об этом весьма красноречиво свидетельствует переписка между фермером Дж. М. Рэппом и суперинтендантом Бюро по делам индейцев У. У. Скоттом, хранящаяся ныне в архиве Исторического общества Оклахомы.

В этих письмах нашла отражение вся система найма на сезонную работу, которая начала развиваться в те годы и существует до сих пор. Во-первых, здесь присутствует элемент физического принуждения — вооруженные фермеры запугивали индейцев, чтобы завладеть землей или заставить их работать. Чейенов до сих пор терроризируют подобным образом. Во-вторых, фермеры оказывали политическое давление на Бюро по делам индейцев, чтобы получить необходимую рабочую силу.

В идеале доход от занятий, помимо сельскохозяйственных, у индейцев должен был быть достаточным для того, чтобы они не уходили из данной местности, но в то же время не таким большим, чтобы они могли позволить себе отказаться от работы по найму в период страды. Хотя теперь индейцы получают денежные выплаты по социальному обеспечению вместо прежних продовольственных пайков и ежегодных рент, но это мало что изменило в их положении.

По утверждениям стариков, сезонная работа стала доступной индейцам со времен первой мировой войны. Во время войны начался «пшеничный бум» в Западной Оклахоме, который продолжается до сих пор¹⁰.

⁹ *Berthrong D. J. The Cheyenne and Arapaho Ordeal. Univ. of Okla. Pr., 1976; Nespor R. The Evolution of the Agricultural Settlement Pattern of the Southern Cheyenne Indians in Western Oklahoma, 1876—1930, dissertation. Univ. of Okla. Pr., 1984.*

¹⁰ *Hale D. The People of Oklahoma: Economics and Social Change. P. 31—92//Oklahoma: New Views/Ed. Morgan Anne H. and Morgan H. Wayne. Univ. of Okla. Pr., 1982. P. 56—57.*

Сенокос и сбор урожая пшеницы и других культур длятся обычно 4 месяца, с мая по сентябрь. В этот период любой чейен может наняться на работу.

Безработица после окончания сельскохозяйственных работ, согласно государственной статистике, наиболее велика среди индейцев, достигая более 80%. Такое положение выгодно фермерам: индейцы тем охотнее нанимаются летом, чем выше уровень безработицы в остальное время года.

Однако в этих районах Оклахомы сельскохозяйственный труд очень плохо учитывается статистикой. Чтобы платить индейцам как можно меньше, фермеры не отчитываются перед Бюро по делам индейцев об объеме работ, выполненных работниками-индейцами. Плата, согласно сообщениям информаторов, составляет 20—30 долл. за 8—10-часовой рабочий день. Чейены в свою очередь не сообщают властям о своих заработках, боясь, что им перестанут выдавать талоны на бесплатное продовольствие и платить пособия из различных фондов социального обеспечения. Как считают информаторы, в сезон уборки пшеницы 90% мужчин-чейенов в Западной Оклахоме панимаются к фермерам.

Степень участия индейцев в работе по найму, по мнению информаторов, остается практически постоянной со времени первой мировой войны, что позволяет нам примерно оценить вклад чейенов в развитие экономики за этот период. Численность чейенов на западе Оклахомы (вместе с южными арапахо) увеличилась с 3000 до 8500, по последней переписи племен. Если, исходя из половозрастной структуры племени чейенов, предположить, что около четверти его составляли работоспособные мужчины и что 70% из них участвовали в сезонной работе на фермах (остальные — в других отраслях), то за период с 1915 по 1985 г. на их долю придется 416 500 чел.-мес. Если считать, что в месяце 200 рабочих часов, и если их оплачивали даже по самым низким нынешним расценкам — 3,38 долл., то получится около 281 млн. долл. — такова стоимость труда чейенов и арапахо в долларах по современному курсу. Если же подсчитать прибыль, полученную от произведенного трудом индейцев и проданного зерна, то сумма окажется неизмеримо большей.

Как бы то ни было, чейенам не удавалось реализовать произведенную ими стоимость. Они не превратили ее в капитал, израсходовав деньги на повседневные нужды и оставшись по-прежнему бедняками. Что же касается белых фермеров, торговцев и владельцев пищевых компаний, то они получали огромные прибыли, подобно скупщикам бизоньих кож в прошлом веке.

Изготовление мокасин

Женщины-чейенки с давних пор специализируются на изготовлении мокасин, вышитых бисером. Еще во времена Льюиса и Кларка было известно, что чейены обеспечивают мокасинами другие племена¹¹. Этот промысел у чейенов сохранился до сих пор.

Узоры передаются в чейенских семьях из поколения в поколение, и мастерицы из других семей не имеют права использовать их в своих изделиях. Находящиеся в музеях США мокасины, сшитые в прошлом веке, украшены именно такими уникальными узорами.

Нижеследующие данные по изготовлению мокасин чейенами были собраны моим студентом Ч. Хилтоном во время полевой работы летом 1983 г. Он обнаружил, что чейенки по-прежнему специализируются на изготовлении мокасин, в то время как женщины других племен — на изготовлении иных предметов. Так, индейцы ото делают изысканные пояса из лент, а также бисерные ожерелья, цепочки для ключей и в небольших количествах мокасины. Хотя все племена производят несколько видов ремесленных изделий, каждое специализируется в основном на изготовлении определенной продукции.

Интересен также тот факт, что мокасины покупают в основном не белые туристы, а индейцы других племен, особенно навахо и пуэбло.

¹¹ *Tableau P. A. Tableau's Narrative of Loisel's Expedition to the Upper Missouri. Univ. of Okla. Pr., 1939. P. 158.*

Это опять-таки очень давняя традиция: известно, что чейены посещали ярмарку индейцев таос в Нью-Мексико еще 200 лет назад¹².

Сейчас мокасины поступают в продажу главным образом через сеть «индейских магазинов» в Западной Оклахоме. Каждый год продается около 1200 пар мокасин, более 90% которых, по словам торговцев, изготавливается чейенами. Обувь делают 50 чейенок-родственников, причем старшие обучают младших. Мокасины, однако, составляют лишь часть торгового ассортимента индейских ремесленных товаров и 15% торгового оборота.

Прежде мокасины делали «надомницы»; торговец снабжал их кожей, бисером и другим сырьем, а затем приходил и за определенную цену скупал товар. Сейчас же обычно мастерица сама сдает в магазин свою продукцию по цене, учитывающей стоимость сырья. Поэтому скупщики держат у себя на складах необходимые материалы, чтобы обменивать их, добавляя деньги, на готовую обувь.

Продажная цена мокасин зависит от того, как они украшены. Мокасины, вышитые бисерными узорами из нескольких штрихов, продаются в индейских магазинах по 40—90 долл. за пару. Мокасины же, сплошь расшитые бисером, стоят от 135 до 300 долл. В Нью-Йорке, Бостоне и Торонто в больших магазинах я видел сплошь расшитые мокасины в среднем по 550 долл., а частично расшитые — в среднем по 180 долл.

За пару мокасин, оцененных в индейском магазине в 90 долл., чейенка получает 35 долл. наличными и на 30 долл. материалов. Разумеется, торговец совершает обмен, исходя из розничной, а не оптовой цены сырья, по которой сам приобретал его, — традиция, идущая со времен торговли бизоньими кожами. Таким образом, торговец платит 35 долл. наличными и дает примерно на 20 долл. сырья за одну пару обуви¹³. Его прибыль составляет в этом случае почти 40% с каждой пары мокасин.

Время, затрачиваемое на изготовление мокасин, различно у разных мастериц. Ч. Хилтон установил, что на одну пару частично расшитых мокасин уходит от 7,5 до 56 ч., т. е. в среднем 18 ч. Если считать, что средняя плата за пару мокасин — 40 долл. (учитывая оптовые цены на сырье), то час работы стоит примерно 2,22 долл. Женщины, работающие более тщательно, получают даже меньше 1 долл. в час.

Если мои устные подсчеты верны, то можно вычислить и стоимость произведенных мокасин в течение нашего столетия. Из 1200 пар мокасин, продаваемых ежегодно, 200 — полностью расшитые и 1000 — частично. За 85 лет было продано примерно 17 тыс. пар полностью расшитых и 85 тыс. пар частично расшитых мокасин.

Учитывая инфляцию, характерную для нынешнего времени, и считая по ценам 1983 г., получим общую сумму в 10 млн. долл. (средняя стоимость обоих видов мокасин — 65 и 250 долл.). Как и в случае с торговлей бизоньими кожами и работой на уборке пшеницы, чейены не получили большой прибыли от торговли обувью, поскольку на оплату их труда пришлось меньше половины дохода от продажи, и эти деньги опять-таки пошли на удовлетворение повседневных нужд, а не на создание капитала и приобретение земли. Торговцы же индейскими товарами — одни из самых богатых людей в Оклахоме — приобретали капитал благодаря эксплуатации индейцев.

Заключение

Хотя мы рассмотрели всего три примера трудовой деятельности чейенов, они красноречиво доказывают, что индейцы вносили определенный вклад в развитие американской экономики, размеры которого однако не следует переоценивать. В период своего расцвета в 1860-х го-

¹² Kenner Ch. L. A History of New Mexican-Plains Indian Relations. Univ. of Okla. Pr., 1969. P. 74—76.

¹³ Считая розничные цены в 1,5 раза превышающими оптовые.

дах торговля бизоньими кожами давала больше 1 млн. долл. прибыли в год, в то время как вся американская промышленность приносила 4 млрд. долл., а национальный импорт составлял 250 млн. долл.¹⁴ По тем временам пушная торговля, а также торговля бизоньими кожами, занимала видное место в экономике США.

Работа чейенов в фермерских хозяйствах представляет еще один пример экономического принуждения и эксплуатации труда. Перед нами тонкий механизм, с помощью которого фермеры получают работников в самое горячее время — в сезон уборки урожая. Фермеры и чиновники Бюро по делам индейцев — нередко в одном лице — действуют заодно, позволяя индейцам выжить за счет общественных денег, но не выпуская их из поля действия системы эксплуатации. И хотя чейены не мигрируют для сезонной работы, подобно латиноамериканцам в Техасе и Флориде, их вклад в развитие экономики не менее важен.

Тот же фактор оседлости индейской рабочей силы лежит в основе производства мокасин. Торговцы устанавливают сеть постоянных связей с индейцами, поставляющими обувь, платя им по низким расценкам и получая максимальную прибыль.

Как мы видели, масштабы участия чейенов в развитии экономики опровергают миф о «ленивом» индейце. Причем в наших примерах мы имели возможность произвести приблизительную оценку произведенной чейенами стоимости. Работа чейенов в городах (Тулса, Оклахома-Сити и Даллас) труднее поддается учету. Молодые индейцы едут в города и в сезон сельскохозяйственных работ. Но там не ведется никакого учета их труда, поскольку большинство индейцев работает здесь временно.

К сожалению, приходится признать, что миф о «ленивом» индейце продолжает жить. Причина заключается прежде всего в том, что он удобен для белого большинства. В данной статье я попытался представить некоторые объективные количественные данные о том, как много работали индейцы и что они сделали для блага своей страны.

¹⁴ *Simonds J. C. and McEnnis J. T. Op. cit. P. 695, 703.*

В. А. Башилов, К. А. Родригес ДОИСПАНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ КОЛУМБИИ

В 30-х годах XVI в. испанские конкистадоры вторглись на территорию Западной Колумбии. Они шли различными путями — с юга, через плоскогорье Попаян (С. Белалькасар), с севера, по тихоокеанскому побережью (П. Давила) и по долине р. Каука (Х. Робледо, Х. Вадильо). В хрониках, повествующих об этих походах, много места уделяется рассказам о населявших эти земли племенах аборигенов, их занятиях, быте и обычаях.

Среди этих сведений определенное место занимают описания индейских поселений. При этом описываются дома, принадлежавшие вождям и касикам. Однако эти описания дают весьма смутное представление об их конструкции. Постоянно подчеркивается, что они были большими и круглыми¹. Материалом для постройки служили стволы местных деревьев, скорее всего бамбука². Из них делались как вертикальные столбы и балки перекрытия, поддерживавшие крышу из соломы³, так, видимо, и обшивка стен.

¹ *Cieza de León P. La crónica del Perú//Colección austral. № 507, Madrid, 1962. XVIII, P. 75, XXI. P. 80; XXVI. P. 94; Robledo J. Descripción de los pueblos de la provincia de Ancerma/Jijon y Caamaño J. Sebastián de Belalcázar. Quito, 1936. T. 2. P. 72.*

² *Robledo J. Op. cit. P. 73.*

³ *Cieza de León P. Op. cit. XVIII. P.75.*